

**СЕЙЕД ХАСАН ЗАХРАИ,
МАХДИ МОХАММАДИ КАВАНД**
(Тегеран, Иран)

**ОППОЗИЦИЯ ВИНТЕЛЬНОГО
И РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ
КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ ПЕРСИДСКОГО**

Освещается проблема выражения категории определенности-неопределенности при оппозиции винительного и родительного падежей. Описывается зависимость причин выбора винительного или родительного падежа от значения определенности-неопределенности. Категория определенности-неопределенности рассматривается на примере русских текстов и их переводов на персидский, представлены примеры выражения данной категории в русском языке и их корреляты в персидском языке. Проводится сравнительный анализ примеров и их переводов, выявляются сходства, различия и смысловые оттенки значений в выражении определенности-неопределенности в русском и персидском языках.

Ключевые слова: *категория, определенность-неопределенность, оппозиция, винительный падеж, родительный падеж, русский язык, персидский язык.*

Вариантность винительного и родительного падежей с существительными в значении объекта действия при переходных глаголах вызывают сложности в выборе той или иной формы. Выбор винительного или родительного падежа при выражении определенности-неопределенности – это такая лингвистическая проблема, которая создает трудности как для обычного носителя языка, так и для иностранцев, в том числе и для персоговорящих.

Употребление в речи родительного падежа вместо винительного у различных групп существительных и в разных ситуациях, в том числе при выражении определенности-неопределенности, носит массовый характер. Персоговорящие студенты пытаются использовать общую схему парадигмы склонения имен существительных, однако не всегда это позволяет получить необходимую грамматическую словоформу. Они, выполняя упраж-

нения на вариантность падежной системы, делают ошибки, которые касаются нормы и системы, сводят разные явления к одному, видоизменяют слова согласно строению системы родного языка или языка-посредника. Нарушения правила строгого употребления винительного и родительного падежей при выражении категории определенности-неопределенности приводит к непониманию, и само собой разумеется, что им следует научиться проводить четкую грань при употреблении данных падежей.

В целях достижения максимальной степени достоверности результатов и правомерности выводов подвергнем анализу русские примеры и их переводы, лежащие в основе рассматриваемой категории.

В лингвистической литературе был предложен целый ряд исследований семантики и средств выражения определенности-неопределенности. Большинство работ опирается, естественно, на материал языков, которые обладают артиклями, но в последние годы появилось значительное число работ, посвященных семантике и средствам выражения определенности-неопределенности в так называемых безартиклевых языках, в частности и в русском языке.

В русском языке, как известно, специфических, стабильно и обязательно выступающих для передачи значения определенности-неопределенности средств выражения нет. Тем не менее оппозиция значений определенности-неопределенности выражается и в русском языке [1, с. 232–241].

Категория определенности-неопределенности относится в русском языке к коммуникативно-оценочным. Значение определенности или неопределенности проявляется лишь в процессе речевой коммуникации, когда говорящий, называя лицо или предмет, оценивает его с точки зрения известности или неизвестности. В одних ситуациях называется известное, уточненное, т. е. определенное, лицо (предмет), в других – одно из многих или даже любое лицо (предмет), т. е. неопределенное [4, с. 242].

Определенность и неопределенность в логическом словаре-справочнике толкуются как «понятия, характеризующие такую ситуацию, когда происходит процесс отбора, выбора элемента или подмножества из какого-либо множества» [2, с. 381]. Определенность понимается

как такое качество правильного логического мышления, которое свидетельствует о том, что в рассуждении все мысли при повторении употребляются в одном и том же определенном смысле, в них вкладывается одно и то же точное, четкое содержание, соответствующее отображаемому в них предмету, явлению. Однако определенность здесь не только четкое отображение присущих предмету, явлению признаков, но и отрицание противоположных признаков для данного предмета, явления [2, с. 412].

Неопределенность же выражает отношение всей совокупности элементов или подмножеств данного множества к мощности отбираемых элементов или подмножеств. Неопределенность играет существенную роль там, где приходится иметь дело не только с детерминированным, но и случайным, неявным, неточным [Там же, с. 381].

Категория определенности-неопределенности находит выражение в разных языках мира. Функция ее – актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации, т. е. определенность, либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов, т. е. неопределенность [5, с. 349]. Данная категория выражается в русском языке совокупностью разнородных языковых средств, и, как уже мы заметили выше, одним из этих средств является оппозиция винительного и родительного падежей.

Так, на потенции падежной оппозиции винительного и родительного падежей указывает А.М. Пешковский. Он отмечает, что в тех случаях, когда возможны оба падежа, винительный по сравнению с родительным приобретает добавочный оттенок определенности, выражаемый во многих языках определенным членом, например: 1) *просить денег* کمی پول *просить деньги* پول *خواستن* [кәми пул хастән] и *просить* پول *خواستن* [пул ра хастән] (о которых уже что-то известно); 2) *купить хлеба* کمی نان *купить хлеб* نان *خریدن* [кәми нан хәридән] и *купить* نان *خریدن* [нан ра хәридән] и т. д. [6, с. 299]. А.В. Бондарко отмечает, что особая сфера функционирования определенности-неопределенности представлена в оппозиции винительного и родительного падежей [1, с. 243]:

Он написал отцу, что матери плохо живется, она болеет, устала, и чтобы отец при-

слал ей денег на дорогу. Деньги она отдаст, вернувшись в Ленинград. مادر *نوشت که مادر حالش خوب نیست، بیمار است و خسته شده، و نوشت که برای مادر کمی پول برای خرج راه بفرستند. پول را پس از بازگشت به لنین گراد پس خواهد داد.* [У бәрайе педәр невешт ке мадәр халаш хуб нист, бимар аст вә хәстеш шодех, вә невешт ке бәрайе мадәр кәми пул бэфрестәд. Пул ра пәс аз базгәшт бе ленинград пәс хаһәд дад].

Что касается формы родительного и винительного падежей, то при выражении определенности-неопределенности считается, что при первом упоминании существительное в позиции прямого дополнения стоит в родительном падеже и выражает тем самым неопределенное значение – *прислал денег...* کمی، *مقداری پول* [кәми, мегдари пул]. Когда в тексте тот же самый объект упоминается повторно, существительное-дополнение выступает в винительном падеже. В этом случае форма *деньги* выражает значение определенности имени – *деньги отдаст...* پول را [пул ра]. Об оппозиции винительного и родительного падежей говорит и В.Ю. Копров, рассматривая винительный и родительный падежи как варианты формы объекта [3, с. 55–61]. Он отмечает, что если в качестве объекта действия выступают вещества или совокупности однородных предметов, то обозначающие их существительные могут иметь форму винительного или родительного падежа: *выпить воду* آب را نوشیدن [аб ра нушидән] – *выпить воды* کمی آب نوشیدن [кәми аб нушидән]. Конкурирующими формами передаются разные оттенки значения: а) форма винительного падежа указывает на полный охват объекта действием, она представляет объект как единое целое, без указания на его количество – значение определенности; б) форма родительного падежа обозначает частичный охват объекта действием, указывает на некоторое количество объекта – значение неопределенности: *принести яблоки* سیب ها را آوردن [сиб-һа ра авәрдән] – винительный падеж, значит, все яблоки, которые лежат в корзине, на столе; *принести яблок* چند عدد سیب آوردن [чәнд әдәд сиб авәрдән] – родительный падеж, значит, какую-то часть, немного, несколько яблок из тех, что лежат в корзине. Другие примеры: *Перелей молоко из бутылки в кастрюлю, пожалуйста!* [Лотфән шир را از بطری توی قابلمه بریز!]; *Будь добр, налей мне молока в кофе.* لطف کن کمی شیر در قهوه.

ی من بریز [Лотф кон кәми шир дәр гәһвех-йе мән бериз]; *Варенье надо еще поварить, а то оно может испортиться.* مریا را باید کمی دیگر پخت [Мораба ра байәд кәми дигәр похт, вәгәрнә момкен әст хәраб шәвәд]; *Попробуйте сливового варенья.* کمی مریای آلو (امتحان کنید (بخورید [Кәми морәба-йе алу емтеһан конид (бохорид)]; *Возьмите пирожки, они вам пригодятся в дороге.* توی پیراشکی ها را بردارید، [Пирашки-һа ра бәрдарид, туйе раһ бе дәрдетан михорәнд]. *Возьмите еще пирожков, если они вам так понравились.* چند عدد پیراشکی دیگر هم بردارید، اگر اینقدر از آنها خوششان آمده است. [Чәнд әдәд пиршкие дигәр һәм бәр дарид, әгәр ингәдр әз анһа хошетан амәдеһ әст]; *Если хочешь мне помочь, берись резать хлеб.* اگر می آгар میخانی به مән کمک کنی نان را ببر [Агәр михани бе мән комәк кони нан ра бебор]; *Нарежь еще хлеба, на тарелке уже совсем пусто.* کمی نان هم ببر، [Кәми нан һәм бебор, бошгаб камелән хал иәст] [3, с. 55–56].

Наряду с этим винительный и родительный падежи объекта выступают как конкурирующие формы при глаголах достижения, таких как *хотеть, просить, искать, ждать* и т. д. Данные глаголы в форме родительного падежа выражают более абстрактные или неопределенные объекты: *Я жду трамвая.* مән منتظر یک تراموا هستم (هر تراموایی یک تراموا هستم) [Мән монтәзере йек трамва һәстәм] (значит, любого, который идет в этом направлении); *Он попросил у меня словарь.* او از من یک فرهنگ لغت خواست (هر فرهنگی) [У әз мән йек фәһһәнге логәт хәст].

В форме винительного падежа выступают объекты, которые по своей природе конкретны или известны, определены контекстом: *Я жду трамвай (№ 20, тот, который идет до вокзала и т. п.)* مән منتظر تراموا هستم (تراموای (№ ۲۰) [Мән монтәзере трамва һәстәм]; *Он попросил у меня словарь.* او از من فرهنگ لغت را [Там же, с. 57].

Л.С. Крючкова, акцентируя внимание на языковых средствах выражения определенности-неопределенности, объясняет роль винительного и родительного падежей в выражении категории определенности-неопределенности. Она пишет, что определенность лица или предмета, известного говорящему или слушающему из их совместной деятельности или опыта, выражается существительным в винительном падеже при переходном глаголе, а значение не-

определенного объекта, имеющего вещественное, абстрактное и др. значения, без указания на количество, выражается существительным в родительном падеже при переходном глаголе. Оппозицию винительного и родительного падежей она объясняет с помощью следующих примеров:

Дай мне, пожалуйста, деньги. لطفا پول را به من بده [Лотфән пул ра бе мән бедеһ] – *Дай мне денег.* کمی پول به من بده [Кәми пул бе мән бедеһ];

Купи продукты в магазине. خواروبار را از مغازه بخر [Харобар ра әз мәгазеһ беһәр] – *Купи продуктов в магазине.* کمی خواروبار از مغازه بخر [Кәми харобар әз мәгазеһ беһәр];

Передай мне воду! آب را به من بده [Аб ра бе мән бедеһ] – *Дай мне, пожалуйста, воды.* لطفا کمی آب به من بده [Лотфән кәми аб бе мән бедеһ] [4, с. 247–249].

Семантическая категория определенности-неопределенности является также одним из критериев выбора родительного или винительного падежей в позиции дополнения в отрицательных конструкциях: *Я не читал стихов* [Мән һич шери нәһәндәм]; *Письмо я не написал* [Намәһ ра мән нәневештәм].

Родительный падеж некоторым образом связывается со значением неопределенности, а определенное значение – с винительным падежом [1, с. 243]. По мнению В.Ю. Копрова, винительный и родительный падежи объекта конкурируют и при глаголах с отрицанием, например: *Не читал письмо* [Намәһ ра нәһәндәм] – *Не читал письма* (هیچ نامه ای) [Һич (һич) намәһ-и нәһәндәм].

В.Ю. Копров отмечает: хотя в грамматиках русского языка часто просто указывается, что при глаголах с отрицанием объект принимает форму родительного падежа, однако в современном русском языке мы видим много примеров, в которых объект и при отрицании сохраняет форму винительного падежа. Он подтверждает, что использование родительного падежа объекта подчеркивает, усиливает отрицание глагольного действия при частичном охвате объекта действием и при абстрактном или неопределенном объекте, в то время как винительный падеж объекта ослабляет значение отрицания и главным образом используется при полном охвате объекта действием и при конкретном, определенном объекте [3, с. 58–60].

Связь между определенностью-неопределенностью и оппозицией винительного и родительного падежей трактовалась еще в начале XX в. А.И. Томсоном. Рассмотрев функционирование форм винительного и родительного падежей при глаголах с отрицанием, А.И. Томсон объясняет, что указанные формы различают определенность-неопределенность. Например, он сопоставляет предложения *Кошка не ест ветчины* – *Кошка не ест ветчину* и приходит к выводу, что в первом предложении речь идет об условии кошки, об отношении к ветчине вообще, что в переводе на персидский будет *گره ژامبون (هیچ ژامبونی) نمی خورد* [Горбех жамбон (нич жамбони) немихорад], в то время как во втором говорится о том, что кошка не ест данный ей конкретный кусок ветчины, перевод здесь будет *گره ژامبون را نمی خورد* [Горбех жамбон ра немихорад]. Автор приводит также следующие примеры: *Не забудь зонтик!* *چتر (بردار)!* [Чатр ра фарамуш накони (бардар)] – *(Не забудь зонтика! چتر فراموش! نشه* [Чатр фарамуш нашеh!]. В первом предложении говорящий имеет в виду определенный предмет, известный собеседнику – *چتر* [чатр ра], во втором – не какой-либо известный предмет, а любой предмет из класса зонтиков – *چتر* [чатр] [8, с. 30].

Рассмотрим приведенные русские примеры и их корреляты в персидском языке. Парадигма категории определенности-неопределенности *معرفة – نکره* [märefeh-näkäreh] в персидском языке достаточно сложна и многообразна как в плане содержания, так и в плане выражения.

Автор книги «Учебная грамматика персидского языка» Н. Вазинпур считает, что в большинстве случаев в персидском языке инвентарь категории определенности представлен следующими элементами: повтор имени существительного в предложении; действительная определенность; имя нарицательное; имя существительное, после которого есть *ی* [йэ] и *که* [keh]; изафетная конструкция; имена собственные; местоимение; имя существительное с ограничительным междометным значением; имя существительное в роли прямого дополнения со знаком аккузатива *را* [ра] [9, с. 75–77].

В персидском языке для оформления при переходных глаголах прямого дополнения, обозначающего вполне конкретные, определенные, известные предметы и явления, используется специальный морфологический по-

казатель – послелог *را* [ра], который никогда не получает ударения и произносится слитно с предшествующим словом: *من پدر را دوست دارم* [Ман педар ра дуст дарам] – *Я люблю отца*. Как известно, в русском языке эта функция осуществляется винительным падежом. Однако следует подчеркнуть, что наличие персидского прямого дополнения (т. е. русского винительного падежа при переходном глаголе) еще недостаточно для использования послелога *را* [ра]; вторая обязательная составляющая – это наличие признаков конкретности, известности, определенности у слова, выступающего в предложении в качестве прямого дополнения [7, с. 159]. В связи с этим, как показывают корреляты приведенных русских примеров, в персидском языке значение русского винительного падежа, выражающего категорию определенности, передается именем существительным в роли прямого дополнения со знаком аккузатива – с послелогом *را* [ра].

Что касается выражения категории определенности-неопределенности при оппозиции винительного и родительного падежей, то в персидском языке послелог *را* [ра] представляет собой одно из средств выражения значения конкретности, известности и определенности, для передачи значения определенности, выраженной винительным падежом при оппозиции родительного, послелог *را* [ра] играет важную роль.

По мнению Н. Вазинпура, для выражения категории неопределенности в персидском языке используются такие элементы, как неопределенный артикль *ی* [йе]; числительное *یک* [йек] – *один*; неопределенный артикль *ی* [йе] в сочетании с числительным *یک* [йек] – *один*; слово *یکی* [йеки] – *один* в роли местоимения или существительного или в сочетании с существительным; неопределенные прилагательные и местоимения *هر* [häp], *فلان* [фелан], *هیچ* [нич], *چند* [чанд], *همه* [häme], *دیگر* [дигар] в сочетании с существительным [9, с. 75–77].

Как показывают корреляты приведенных русских примеров, в персидском языке значение русского родительного падежа, выражающего категорию неопределенности, передается словами *کمی* [кәми], *چند عدد* [чанд адад], *یک* [йек], *هیچ* [нич].

Слова *کمی* [кәми], *چند عدد* [чанд адад] в персидском языке употребляется для выражения неопределенного количества, например: *کمی*

برنج [кăми берендж] – некоторое количество риса, چند عدد خودکار [чăнд әдăд ходкар] – несколько штук ручек. Как мы видим, слова کمی [кăми] в сочетании с существительным в приведенных нами выше примерах и چند عدد [чăнд әдăд] в сочетании с существительным в примерах выше передают значение русской неопределенности, выраженной родительным падежом при оппозиции винительного, и, с нашей точки зрения, в этих примерах значение русской неопределенности – обозначение некоторого количества объекта – совпадает со значением персидской неопределенности.

В примерах числительное یک [йек] в сочетании с существительным передает значение неопределенности, выраженной родительным падежом при оппозиции винительного. Это слово в персидском языке при выражении неопределенности используется для указания на безразличность, например: یک کتاب به من بده [Йек кетаб бе мән бедех] – *Дай мне какую-нибудь книгу!*

В данных примерах отрицательное местоимение هیچ [нич] в сочетании с существительным и неопределенный артикль ی [йе] передают значение русской неопределенности, выраженной родительным падежом в отрицательных предложениях, а в предложении *Не забудь зонтика!* в персидском языке дословный перевод *چتر فراموش نشه!* [Чăтр фăрамуш нăшеh!] передает значение неопределенности, выраженной родительным падежом в побудительном предложении.

Таким образом, рассмотрение категории определенности-неопределенности при оппозиции винительного и родительного падежей в русском языке и их персидские корреляты показывают, что существуют сходство и различие в выражении определенности-неопределенности в этих языках.

На наш взгляд, поскольку в персидском языке отсутствует грамматическая категория падежа, только перевод приведенных русских примеров показывает и выясняет значение оппозиции винительного и родительного падежей как средства выражения категории определенности-неопределенности. Сопоставительное описание категории определенности-неопределенности в таких разнотипных языках, как русский и персидский, очень важно, т. к. наглядно показывает сходства и различия между этими двумя языками и, кроме того,

выясняет универсальность данного языкового явления.

Поскольку в русском языке отсутствуют артикли, и категория определенности-неопределенности выражается совокупностью различных языковых средств, очевидно, что персоговорящие допускают ошибки в своей речи при выражении данной категории. Неправильное употребление винительного падежа вместо родительного (и наоборот) у различных групп существительных при выражении определенности-неопределенности приобретает в их речи массовый характер, и эта ошибка слишком частотна для того, чтобы называться случайной. Это объясняется тем, что на занятиях персоговорящие обучающиеся пытаются использовать общую схему парадигмы склонения имен существительных, не уделяя внимание самому значению определенности-неопределенности, выраженной в предложении. Для того чтобы избежать этих ошибок, необходимо объяснить студентам суть оппозиции винительного и родительного падежей как выражения определенности-неопределенности с примерами и их переводами на персидский язык. Поскольку в русском языке категория определенности-неопределенности не является морфологической и не существуют специфические, стабильно и обязательно выступающие средства выражения определенности-неопределенности, неудивительно, что ее освоение представляет большие трудности для персоговорящих.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / Неопределенность. СПб.: Наука, 1992.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.
3. Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: учеб. пособие для занятий с иностранными учащимися. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001.
4. Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения. М.: ВЛАДОС, 2004.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Яз. слав. культуры, 2001.
7. Поляков К.И. Самоучитель персидского языка. М.: Формика-С, 2001.

8. Томсон А.И. Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1902.

9. وزين پور، نادر؛ ۱۳۷۵. دستورآموزشی زبان فارسی، انتشارات معین، ۲۹۴ صفحه

* * *

1. Bondarko A.B. Teorija funkcional'noj grammatiki: Sub#ektnost'. Ob#ektnost'. Kommunikativnaja perspektiva vyskazyvanija. Opredelennost' / Neopredelennost'. SPb.: Nauka, 1992.

2. Kondakov N.I. Logicheskij slovar'-spravochnik. M.: Nauka, 1975.

3. Koprov V.Ju. Variantnye formy v russkom jazyke: ucheb. posobie dlja zanjatij s inostrannymi uchashhimisja. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2001.

4. Krjuchkova L.S. Russkij jazyk kak inostrannyj: sintaksis prostogo i slozhnogo predlozhenija. M.: VLADOS, 2004.

5. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / pod red. V.N. Jarceva. M.: Sov. jencikl., 1990.

6. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2001.

7. Poljakov K.I. Samouchitel' persidskogo jazyka. M.: Formika-S, 2001.

8. Tomson A.I. Vinitel'nyj padezh prjamoego dopolnenija v otricatel'nyh predlozhenijah. Varshava: Tip. Varsh. ucheb. okruga, 1902.

Opposition of accusative and genitive cases as a way of expressing certainty-uncertainty in the Russian language against the background of Persian

The article deals with the issue of expressing the category of certainty-uncertainty in the opposition of accusative and genitive cases. The dependence of the reasons for the choice of accusative or genitive case on the meaning of certainty-uncertainty is described. The category of certainty-uncertainty is considered by the example of Russian texts and their translations into Persian; the examples of the expression of this category in the Russian language and their correlates in the Persian language are presented. The authors carry out the comparative analysis of the examples and their translations, find out the similarities, differences and shades of meaning in the expression of certainty-uncertainty in the Russian and Persian languages.

Key words: *category, certainty-uncertainty, opposition, accusative case, genitive case, Russian language, Persian language.*

(Статья поступила в редакцию 07.05.2018)

Г.Р. САФИУЛЛИНА
(Казань)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ПРАКТИКА СОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-ТАТАРСКО-АНГЛО-ИСПАНСКОГО ИЛЛЮСТРАТИВНОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Описываются теоретические и практические аспекты сравнительной лексикографии на примере создания русско-татарско-англо-испанского иллюстрированного словаря для детей. Рассматриваются основные принципы двуязычной лексикографии и способы их реализации. Данный лексикографический труд объемом 300 словарных статей будет снабжен иллюстративными картинками-раскрасками для лучшего усвоения материала школьниками младшего и среднего возраста.

Ключевые слова: *русский, татарский, английский, испанский, словарь, иллюстрация, словарная статья, двуязычная лексикография.*

Одной из традиций Казанской лингвистической школы было и является изучение языков в сопоставительном и сравнительном аспектах, благодатной почвой для чего служит исторически и культурно сложившаяся мультилингвальная среда. В настоящее время, когда экономическое и техническое развитие предоставляет все большие возможности безграничного общения, внимание казанских лексикографов акцентируется на включении компонентов языков всемирного общения (в частности, английского и испанского) в новейшие разработки таких учебно-методических пособий, как словари.

Живой интерес вызывает поиск прямых соответствий для непосредственного общения. Ситуация двуязычия и межнационального взаимодействия на территории Республики Татарстан отличается устойчивостью и сбалансированностью, народы Республики Татарстан стремятся к стабильности и устойчивому развитию, что на данном этапе развития общества способствует получению дальнейшего образования в сфере языков.

Свой вклад вносят лексикографы Казанского федерального университета, создавая словари, словники, пособия в области татарской двуязычной лексикографии: «Учебный англо-татарско-русский словарь-минимум», насчитывающий 3 500 словарных статей [1];